

О возможности построения теории социальных технологий

1. Как выразился недавно в своем выступлении на семинаре и в статье для журнала И.Т.Касавин, «обсуждение проблематики СТ сегодня затянута терминологическим и идеологическим туманом». Верно, это новая для нас проблематика, хотя Илья Теодорович очертил контуры этой области и наметил некоторые подходы к ее рассмотрению. Теперь мы можем попытаться сделать шаг дальше и начать рассеивать хотя бы терминологический «туман».

2. Мне кажется, мы можем поставить перед собой задачу создания *общей теории социальных технологий* (СТ) по аналогии с общей теорией систем. Это должна быть некоторая целостная концепция, формулирующая основные понятия и принципы сферы СТ, дающая их классификацию, очерчивающая возможности и границы их применения. Ясно, что мы должны учесть зарубежный опыт исследований в этой области – тот опыт, о котором говорил Илья Теодорович.

3. Предметом изучения искомой теории являются СТ, поэтому начинать надо с определения понятия «социальная технология», т.е. с уточнения предмета теории. Технология вообще определяется как совокупность методов, способов воздействия на какой-то объект с целью получения некоторой продукции. Здесь все достаточно очевидно: *techne* – мастерство, умение, да плюс *логия* дают учение о каком-либо мастерстве и средствах этого мастерства. При таком определении, которое достаточно распространено, всякая технология оказывается социальной, ибо используется обществом и в обществе: технология обработки почвы, выращивания цыплят, строительства и т.п.

Однако когда мы говорим о СТ, то, по-видимому, имеем в виду нечто иное, а именно, технологию воздействия на *людей*, а не материальные или биологические объекты. Опираясь на эту интуицию, мы можем определить: *социальная технология есть совокупность методов воздействия непосредственно на социальные группы, слои, на общество в целом*. Тогда теория СТ изучает разнообразные способы и средства воздействия на людей. Поэтому, видимо, И.Т.Касавин предлагает говорить о «социогуманитарных» или даже «гуманитарных» технологиях. При таком определении из области СТ устраниются не только промышленные технологии, но даже и методы познания. Зато предмет нашей теории приобретает более четкие очертания.

4. По-видимому, при построении общей теории СТ ее концептуальный аппарат можно сформировать, опираясь на хорошо известное понятие *деятельности*. Примем, что всякая технология есть деятельность. Тогда в технологии можно выделить: 1) *объект (предмет)* воздействия; 2) *субъект*, использующий технологию; 3) *цели*, которые ставит перед собой субъект; 4) *средства*, способы, методы технологического воздействия; 5) наконец,

результат применения технологии. Все эти элементы СТ можно использовать в качестве оснований их описания и классификации. Кратко поясню это.

5. Объектом СТ может быть конкретный коллектив, социальная группа, социальный слой, население страны: например, можно воздействовать на коллектив сотрудников ИФ РАН с целью изгнать их из занимаемого здания; можно воздействовать на сотрудников всей Академии, скажем, снижая финансирование АН; можно воздействовать на пенсионеров, манипулируя пенсиями и льготами; можно воздействовать на все население страны, скажем, провоцируя искусственную инфляцию.

6. Здесь можно обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Воздействуя на материальный объект, мы можем изменять его форму, размеры, химический состав и т.п. Воздействуя на людей, мы также можем изменять: 1) их *поведение*, скажем, поставили вертушки в автобусах и троллейбусах и люди теперь входят только в переднюю дверь и вынуждены обязательно покупать билет; 2) их *сознание* (включая эмоции, чувства и т.д.), скажем, можно изменить систему их ценностных ориентаций (что произошло в нашей стране за последние десятилетия); 3) их *память*, например, Дирекция нашего Института недавно выпустила толстый том материалов, посвященных 80-летию ИФ РАН. – Все это можно обозначить как *предмет* СТ. Таким образом, социальные технологии могут отличаться как своим объектом, так и предметом.

7. Кто использует СТ и с какими целями? Субъектами СТ могут быть государство и его институты; руководство корпораций, банков, фирм и т.п.; политические партии; религиозные организации и т.д. Вопрос о целях является, конечно, важнейшим и заслуживает внимательного рассмотрения. Здесь пока можно сказать лишь самое простое и общее: целью СТ может быть изменение поведения социальной группы, ее сознания или памяти.

8. Средства, используемые в СТ, чудовищно разнообразны. Здесь мы можем описать их лишь самым общим и приблизительным образом. Говорят о «мягких» и «жестких» СТ. Интуитивно мы ощущаем разницу между ними, однако ее трудно сформулировать с достаточной четкостью. Грубый пример: можно заставить человека пахать землю под угрозой силы – очень жесткая технология; можно заставить его делать это, поманив обильным вознаграждением, – более мягкая технология; можно внушить ему, что пахать землю – его нравственный долг, и это уже совсем мягкая технология. Одним из важнейших средств СТ являются СМИ, поэтому для некоторых из нас может быть интересен анализ технологической функции языка.

9. Наконец, результат. Известно, что результат деятельности может соответствовать цели, а может и расходиться с ней, даже быть противоположным. Поэтому деятельность оценивается как рациональная или нерациональная. Весь комплекс понятий, связанных с понятием рациональности, применим и к СТ. Здесь же можно рассмотреть и вопрос о критериях рациональности СТ.

10. Все указанные выше понятия могут быть использованы для классификаций СТ. Их можно представить также в виде координат некоторого многомерного пространства, тогда каждая конкретная технология будет занимать в этом пространстве свое особое место. Мы получим математическую модель всех СТ, используемых в том или ином обществе.

11. По-видимому, анализ конкретных СТ, используемых в политике, экономике, в государственном управлении и т.д. способен существенно обогатить концептуальный аппарат общей теории СТ. В качестве примера я очень кратко остановлюсь на технологии сохранения и формирования социальной памяти – памяти народа о своем прошлом, служащей основой национальной идентичности.

Как известно, память народа о своем историческом прошлом формируется и сохраняется под влиянием легенд и сказаний, литературных и музыкальных произведений, скульптуры и архитектуры, названий городов и улиц, кладбищ, музеев, мемуаров, сочинений историков и т.д. Важную роль в этом играют образовательные технологии, важным средством которых являются школьные и вузовские учебники. В последние десятилетия в бывших республиках СССР изданы учебники, в которых история излагается далеко не так, как когда-то в СССР или ныне в РФ.

Вот, например, украинский учебник по истории для 11-го класса: Ф.Г.Турченко, П.П.Панченко, С.М.Тимченко, Новейшая история Украины. Ч.2, 1939 – 2001. Киев, 2001.

На первой же странице авторы пишут: «Вначале этого периода наша страна прошла через невиданные ранее военные испытания 1939 – 1945 гг., но не была сломана, деморализована. Пережив третий советский голодомор 1946 – 1947 гг., в чрезвычайно сложных условиях безгосударственности и тоталитарного сталинского режима она за короткое время отстроила свою экономику и добилась дальнейшего развития» (с.3). Под «нашей страной» авторы всегда имеют в виду только Украину. Очень кратко рассказывая об истории Второй мировой войны, в которую СССР вступил, по утверждению авторов, 17 сентября 1940 г., авторы описывают только те военные действия, которые велись на территории Украины. С пеной у рта понося заключение советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и секретный протокол к этому договору, авторы, тем не менее, с удовлетворением отмечают присоединение к Украине Западной Украины, Буковины и Бессарабии, что произошло как раз благодаря секретному протоколу. Интересно, что авторы не слова не говорят о передаче Украине Н.С.Хрущевым российского Крыма и представляют дело так, как будто бы Крым всегда был частью украинской территории. И так далее.

Ну, вот вам технология формирования социальной памяти: объект – население страны; предмет – сознание, память людей; цель – внушение особой национальной идентичности и враждебного отношения к России.

Еще одним примером из этой области может служить доклад французского историка Жан-Пьера Ариньона, прочитанный 9 апреля 2010 г. в Российском институте стратегических исследований. Доклад назывался

«Советский Союз во французских учебниках». Автор рассматривает три учебника истории для старших классов, изданных в 2009 г., и обращает внимание на некоторые их особенности. Цитирую: «Интересен выбор обложек для трех вышеназванных учебников. Все три издания выбрали для обложки сюжеты, связанные с Германией. (Издательство) Атье изобразило Бранденбургские ворота с толпой молодых людей, стоящих у Берлинской стены, как символа рухнувшего миропорядка. НАТОН предпочло выбрать изображение восточногерманского солдата, преодолевающего барьер, с тем чтобы покинуть коммунистический лагерь (мир) и вырваться на свободу. АШЕТТ изобразило толпу молодежи из Восточного Берлина, взобравшихся на стену, в которой большая дыра, олицетворяющая, что западная свобода распространяется теперь и на Восточный Берлин. Таким образом, – заключает автор доклада, – обложки трех учебников иллюстрируют триумф Запада и свободы, которую он (Запад) несет на Восток» (За честную историю. VI. МГИМО – Университет, 2010 г., с. 111). А ведь после разрушения Берлинской стены прошло уже 20 лет! Тексты учебников в том же духе.

Опять мы видим технологию воздействия на сознание молодежи: объект – школьники; предмет – сознание; цель – формирование образа врага в лице СССР – России.

(Реставрация памятников советским воинам на Сахалине; программы уроков по истории Сахаровского центра и т.д.).

12. По-видимому, пора остановиться. Я думаю, мы можем ставить перед собой задачу создания общей теории СТ. Я пытался показать, каким образом ее можно построить, опираясь на понятие деятельности и соответствующий концептуальный аппарат. Конечно, о многом я не сказал: об условиях применения СТ; о взаимосвязи целей и средств, об интерпретации результатов и проч. Вероятно, возможны другие подходы к построению такой теории. Их можно также обсудить и выбрать наиболее для нас подходящий. Но если мы хотим получить результат, демонстрирующий плодотворность философского анализа, мы должны оставить общие рассуждения и приступить к разработке конкретных вопросов теории.

13. Последний, но самый фундаментальный вопрос: стоит ли работать над этой темой и с какой степенью серьезности? Ведь надо понимать, что эффективные социальные технологии порой могут быть страшнее атомной бомбы. XX век дал тому немало примеров.